

Научная статья

УДК 34.096

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-4-19-29

Рационализация позиций в оценке присоединения финляндского региона к Российской империи

Николай Иванович Красняков

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

n.krasnyakov@nsu.ru

Аннотация

Определяются преобладающие в общественном сознании позиции в исследовании правовой природы процесса присоединения финляндских территорий к России периода XVIII – начала XIX века, при этом устанавливается взаимосвязь таких категорий, как империя, этнополитика, регион, автономизация, унификация, иерархическая структура. На основе законодательства, архивных материалов, установок политических деятелей и мнений исследователей последовательно рассматриваются условия, направления, этапы и средства включения региона в единое политико-правовое пространство имперского государства. Автором формируется убеждение, что утвердившийся административно-территориальный автономизм стал результатом санкции верховной власти России, которая в регионе была представлена самим императором как «Великим князем Финляндским» и его представителем, генерал-губернатором как высшим должностным лицом княжества и председателем в финляндском Сенате.

Ключевые слова

Российская империя, Великое княжество Финляндское, этнополитика, регион, многоукладность, автономизация, унификация, иерархическая структура

Для цитирования

Красняков Н. И. Рационализация позиций в оценке присоединения финляндского региона к Российской империи // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 4. С. 19–29. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-4-19-29

Rationalization of Positions in Assessing the Accession of the Finnish Region to the Russian Empire

Nikolay I. Krasnyakov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

n.krasnyakov@nsu.ru

Abstract

The article identifies the prevailing positions in public consciousness regarding the legal nature of the process of Finland's territories' accession to Russia during the 18th and early 19th centuries, and establishes the relationship between such categories as empire, ethnopolitics, region, autonomization, unification, and hierarchical structure. Based on legislation, archival materials, political statements, and research opinions, the article systematically examines the conditions, directions, stages, and means of integrating the region into the unified political and legal space of the imperial state. The author forms the belief that the established administrative and territorial autonomy was the result of the sanction of the supreme authority of Russia, which was represented in the region by the Emperor himself as the "Grand Duke of

© Красняков Н. И., 2025

Finland” and his representative, the Governor-General, as the highest official of the Principality and the Chairman of the Finnish Senate.

Keywords

Russian Empire, The Grand Duchy of Finland, ethnopolitics, region, multiculturalism, autonomy, unification, hierarchical structure

For citation

Krasnyakov N. I. Rationalization of positions in assessing the accession of the Finnish region to the Russian Empire. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 4, pp. 19–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-4-19-29

Подпитываемая современными геополитическими реалиями имперская проблематика непосредственно влечет востребованность в исследованиях историков, философов и специалистов в области теоретико-исторических юридических наук по осмыслению дефиниции «империя», природы имперского политико-правового феномена, проявления нормативно-управленческого компонента имперской государственности в эволюции государства, права, политики и общества. Обращение к имперскому периоду государственно-правового развития России позволяет соотнести обозначенные вопросы в контексте изучения его закономерностей различного уровня, тем самым определив позитивный опыт концентрации власти по вертикали в отношении разностатусных регионов государства и обобщить опыт имперского переустройства в виде разнопорядковых иерархий в системе власть – население – территория, о чем автор подробно и в концептуальном ракурсе излагает свой взгляд в монографическом исследовании [1].

Как известно, вошедшие в состав империи в XVII–XVIII вв. территории – Малороссия, западные губернии и Прибалтика – к началу XIX в. сохраняли незначительные элементы местной специфики в системе администрации и права, поскольку их «конфирмованные» привилегии постепенно были нивелированы преобразованиями российской верховной власти. Подобное же состояние наблюдалось и относительно финляндских территорий – в 1721 г. по условиям Ништадтского мира к России отошла часть Финляндии, примыкавшая к Ингерманландии – «Карелия с дистриктом Выборгского лена»¹, наряду с Лифляндией, Эстляндией и Эзелем. Некоторые исследователи полагают, что с этого времени финский вопрос стал неотъемлемой частью имперской политики России [2, с. 29–59], хотя никаких особых установлений вроде самостоятельности в управлении данная территория не получила.

На практике особое отношение к финляндским территориям все же обнаруживается. Так, начиная войну со Швецией в 1742 г., императрица Елизавета объявила населению, что готова оружием помочь образовать ни от кого не зависящее государство под «собственным избранным самими финляндцами правлением <...> со всеми к тому относящимися правами, привилегиями и льготами, которые для их собственной пользы и твердого основания их независимости будут ими признаны нужными и полезными» [3, с. 412]. Подписанное на конгрессе в Або в 1743 г. по итогам войны мирное соглашение закрепляет территориальный раздел Великого Княжества Финляндского², а объявление о независимой Финляндии под покровительством России нашло юридическое оформление в ратификации трактата о вечном мире со Швецией: в ст. 9 Абоского мирного договора³ установлено, что «обыватели Шляхетные и не Шляхетные, города, магистраты, цехи и цунфты будут постоянно и непоколебимо содержаны и защищены при их под Свейским Правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях». То есть российская власть декларировала привилегированный статус новой области государства, определяемый на основе «особых прав». Распоряжения к исполнению мирного

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). ПСЗРИ-1. Т. 6, № 3819.

² ПСЗРИ-1. Т. 11, № 8748.

³ ПСЗРИ-1. Т. 11, № 8766.

трактата⁴ давали возможность шведским военнопленным остаться жить в российском государстве, поскольку многие из них женились уже в России, соответственно, для коренного финляндского населения определялись простые способы получения российского подданства, обществу демонстрировалось благоприятное отношение к новым гражданам.

Территориально-административные преобразования в связи с завоеванием следующей части Финляндии по указу 1744 г.⁵ выразились в объединении всех финляндских земель в одну губернию, первоначально Выборгскую (позднее, указом 13 декабря 1802 г.⁶, переименована без объяснения мотивов в Финляндскую). Присоединение еще и этой территории Финляндии имело двоякое значение, поскольку, кроме увеличения территории губернии, автоматически устранялись различия в административном (управленческом) отношении между двумя финляндскими территориями, что означало распространение местных привилегий последних завоеванных земель и на часть Финляндии, присоединенной при Петре I. Подтверждает серьезность таких намерений верховной власти акт от 1779 г. «О суждении уголовных дел в Финляндии по новому Шведскому Уложению»⁷, которым правительствующий Сенат принял за норму, что обыватели старой и новозавоеванной Финляндии, «яко люди одного закона, одного языка и равноподданные», должны состоять в равных правах. Следовательно, правительственные меры в Финляндии этого времени можно считать еще одним подтверждением государственной политики XVIII в. по отношению к окраинам, когда ради престижа увеличения территории империи и ее внешнеполитического авторитета государство сохраняет местные вольности и тем самым привлекает местное население на свою сторону, намеренно проводя мероприятия по повышению своего авторитета на новых территориях. В то же время нельзя сказать, что исследованием и реализацией конкретных прав самостоятельности Финляндии и других окраин занималось какое-то отдельное или специальное подразделение центрального аппарата власти, и уж тем более не предпринимались попытки провести кодификацию шведского законодательства на этих территориях.

Неопределенность и невыясненность объема привилегий привели к тому, что в эпоху императрицы Екатерины II административные преобразования в значительной степени были проведены и в отношении Финляндии. В 1783 г.⁸ в Финляндии, так же как и в Прибалтике, по общеимперскому образцу введена подушная подать с крестьян и мещан и сбор с доходов купцов и «других обывателей». Проведение здесь губернской реформы началось в 1783 г.⁹ с образования Выборгского наместничества и введения общеимперской системы административных и судебных органов по Учреждению 1775 г. и утверждения штатов наместничества¹⁰. Хотя прежние привилегии не были ликвидированы, объем их уменьшился, в частности, Сенат при толковании вопроса о действии прежнего права разъяснил: «...по законам же конфирмованным для Лифляндии, Эстляндии и Финляндии, поступать следует в таких токмо случаях и обстоятельствах, на что нет в Высочайших Учреждениях точно предписания» [3, с. 418]. Изменилась ситуация при восшествии на престол Павла I: в 1796 г.¹¹ было предписано вместе с сохранением губернского правления, казенной палаты и казначейства восстановить все присутственные места, которые по прежним правам и привилегиям существовали до образования здесь наместничества – во всех городах и уездах. Хотя восстановление проведено не в полном

⁴ ПСЗРИ-1. Т. 11, № 8777.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 12, № 8856.

⁶ ПСЗРИ-1. Т. 27, № 20552.

⁷ ПСЗРИ-1. Т. 20, № 14842.

⁸ ПСЗРИ-1. Т. 21, № 15724.

⁹ ПСЗРИ-1. Т. 21, № 15795.

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. 21, № 15796, 15795.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 24, № 17634, 17637.

объеме, тем не менее существующая со времен Швеции система местных административных и судебных органов была возвращена.

Необходимость разобраться в планах дальнейшего устройства Выборгской губернии на фоне недостаточной определенности правового положения Финляндии привела к созданию в 1802 г. императором Александром I комиссии для устроения Выборгской губернии и комиссии для рассмотрения финляндских дел¹², особого совещательного органа, которому поручалось определить причины бедственного положения края и предложить «к лучшему преобразованию губернии общий план»¹³. Однако с присоединением остальной, третьей, части Финляндии к России в результате войны со Швецией описанные планы претерпели значительные влияния новой геополитической и внутривосточной ситуации. В 1808 г. вследствие занятия финляндской территории русскими войсками снимались таможи и устанавливался свободный режим торговых отношений «как между подданными одного государя»¹⁴. А разрыв мира со Швецией, вследствие ее измены союзническим обязательствам, по декларации от 16 марта 1808 г.¹⁵, привел к утверждению права империи на завоеванную ею шведскую часть Финляндии, местным жителям предписано принести присягу на верное подданство¹⁶.

Правовые основания вхождения последней завоеванной части Финляндии в состав России формируются еще в период до подписания Фридрихсгамского мирного договора со Швецией и предусматривают сохранение местных установлений¹⁷. Волей монарха объявлялось, что Финляндия является частью государства с особым статусом на основе установлений-«конституций», действующих здесь в силу принадлежности к Швеции, власть российского монарха представляется ограниченной им же самим устанавливаемыми нормами действующего законодательства империи. Данный акт имеет в большей степени декларативный, историко-политический контекст закрепления правового статуса завоеванной Финляндии, поскольку фактически еще продолжалась война со Швецией, итоги которой были не оформлены юридическими источниками права. Как видим, начало названному процессу дали социальные источники права: факт отказа Швеции от договорных обязательств и завоевания финляндской территории. Следуя ранее провозглашенным идеям, Александр I подтвердил основные законы края периода шведского владычества, определил prerogatives императорской власти в регионе наряду с ограниченными политическими правами сейма, создав здесь тем самым новые основы политико-административной системы – конституционный режим власти – в общих чертах¹⁸. Сформирован временный правительствующий совет для гражданского управления во главе с генерал-губернатором, два департамента «из 14 чиновников, одна половина из дворянства, а другая из прочих сословий, выбор и назначение зависят от империи»¹⁹. Реальной мерой по встраиванию новой территории в государственный механизм стало распространение на «новую» Финляндию гербовой бумаги с символами империи²⁰.

После ратификации Фридрихсгамского мирного договора императорским манифестом было объявлено, что «финляндские губернии со всеми жителями, городами, портами, крепостями, селениями, островами <...> будут отныне состоять в собственности и державном обладании Империи Российской»²¹. В том же 1809 г. по предложению сейма в Финляндии вве-

¹² ПСЗРИ-1. Т. 27, № 20272, 20274.

¹³ ПСЗРИ-1. Т. 27, № 20275.

¹⁴ ПСЗРИ-1. Т. 30, № 22838.

¹⁵ ПСЗРИ-1. Т. 30, № 22899.

¹⁶ ПСЗРИ-1. Т. 30, № 22911.

¹⁷ Собрание постановлений финляндских. 1808. № 1.

¹⁸ Собрание постановлений финляндских. 1809. № 2.

¹⁹ Собрание постановлений финляндских. 1809. № 3.

²⁰ ПСЗРИ-1. Т. 30, № 23515.

²¹ ПСЗРИ-1. Т. 30, № 23883.

дена русская серебряная монета. Следует данную меру считать согласованными действиями имперских и финляндских властей по пути объединения, результатом четкого представления местных и центральных властей о значении и месте нового края в механизме государства.

Следующим действием по вхождению новой территории и определению ее политико-правового статуса следует считать манифест 1811 г. «О присоединении Выборгской губернии к Великому Княжеству Финляндскому»²², который устранил различия между старой и новой Финляндией как в наименовании, так и в управлении, подчинив учрежденному Финляндскому совету. Есть необходимость отдельно отметить, что к новой Финляндии верховная власть присоединила полученные в XVIII в. финляндские территории, однако по не выраженным официально причинам к Царству Польскому по такому типу не были присовокуплены польские земли, вошедшие в состав Российской империи в XVIII в., хотя такие планы у императора первоначально существовали. Думается, надо придерживаться мнения, что, во-первых, это явления разного порядка самоуправления, во-вторых, объединение финляндских земель предпринято с целью удобства в управлении сходными по обычаям и культуре населенными, а в-третьих, присоединение прежних польских российских владений к завоеванным в начале XIX в. воспринималось бы как воссоединение уже ранее существующего государства и противоречило бы геополитическим интересам участников венского процесса по расчленению Польши. Но нельзя и согласиться с утверждением, что речь шла о создании финляндского государства, хотя такие мнения существовали [4, с. 9]. Можно также добавить, что события рассмотренного этапа государственного строительства отражали преэминентность политических деклараций императрицы Елизаветы с ее обещаниями создания финляндского государства, идеями эпохи просвещенного абсолютизма Екатерины II и ее намерениями провозглашения политических прав народов империи и установления четкой системы законов, при этом они вписывались в общую картину переходного, как иногда называют, либерального периода правления Александра I, пытавшегося в рамках Просвещения и конституционализма тем не менее развивать и укреплять монархические устои российской государственности.

Стремление заручиться доверием финляндского населения обусловило еще до заключения мирного договора со Швецией созыв Александром I в марте в 1809 г. в Борго собрания представителей четырех сословий финляндского населения, фактически Финляндия получила свой законодательный орган – четырехсословный сейм. Ему поручалось обсудить четыре вопроса: о войске, налогах, монете и учреждении Правительствующего сената [5, с. 439], т. е. представить верховной власти местные традиционные основания организации управления. Очевидно желание верховной власти следовать ранее провозглашенным политико-правовым идеям Манифеста 1808 г. и проводить в инкорпорированной территории мероприятия по практическому устройству здесь российской власти – в империи традиционно в ходе вступления на новые территории и до оформления итогов завоеваний велась постепенная деятельность по вовлечению их в механизм государства. На сейме внутренние дела Финляндии были урегулированы в той же логике действий Александра I, т. е. с учетом обещанного ее автономистского политического строя. Решено сохранить армейскую «поселенную систему», по которой наборов рекрутов не проводилось, но города, деревни и частные землевладельцы принимали на себя обязанность содержать необходимое для Финляндии количество солдат, которые одновременно занимались хозяйством на земле и являлись военнообязанными, участвуя регулярно в учебных тренировках (в 1812 г. этот подход был изменен – введена уменьшенная в финансовом отношении вдвое «вакантная подать»). Император объявил на сейме, что денежные средства Финляндии будут находиться в полном ведении местных властей, для чего учреждался финляндский банк.

Продолжением юридического процесса по определению государственно-правового положения территории стало учреждение сеймом центрального управления в регионе для «общего управления Финляндией» в лице Правительствующего совета под председательством и руко-

²² Собрание постановлений финляндских. 1811. № 6.

водством генерал-губернатора, состоящего из департаментов судебных и хозяйственных дел. Административная система учреждалась в виде местных учреждений во главе с правительствующим советом, который в 1816 г. был преобразован в Императорский Финляндский сенат. Периодичность созыва сейма не была определена, это относилось к прерогативам верховной власти императора. Значение созданного народного представительства было существенным, так как без одобрения сейма царь не мог вводить в княжестве новые законы и налоги, т. е. ограничения монарха также регулировались актами, относящимися к шведскому периоду в Финляндии, – Форма правления 1772 г. и Акт соединения 1789 г., но уже санкционированными российской властью. С другой стороны, монарх в конечном итоге выступал с законодательной инициативой перед сеймом, утверждал или отклонял законы и бюджет. Исключительно его компетенцию составляли вопросы обороны и внешней политики. Подобной же позиции придерживались и правоведы-историки XIX в., например, В. Остен-Сакен считал, что установленный в Финляндии правопорядок определяется «единственно волей суверена, и что законы, на коих основывается управление, издаются Им одним. Ему одному принадлежит право давать и изменять законы. Изданный Им закон Он может свободно изменить, либо объявить недействующим» [6, с. 69]. Соответственно, в отношении Финляндии сохранялись прежние правовые установки: верховная власть признавала местные политико-правовые традиции и, гарантируя их при вхождении территории, санкционировала по типу обычая (подобно «конфирмованным вольностям» присоединенных территорий XVIII в.), но дополнительных полномочий новым территориям не делегировала, признавая лишь за собой возможность наделять правами в разной степени различные регионы. Поэтому в вопросе формального статуса Финляндии отметим, что закреплялась самостоятельность и обособленность новой территории в определенных рамках абсолютистского государства – Российской империи, с окончательным решением всех вопросов монархом в виде актов с его стороны, в том числе и дальнейшего развития законодательства и административных преобразований. Подобный подход являлся обычным для такой формы государства, как империя периода оформления правовых основ отношений «центр – регион», например в Великобритании в отношениях с Канадой и т. д. Перспективы развития этих отношений тоже были различны в смысле эволюции самостоятельного политического будущего в известных формах автономии в государствах нового времени, что предопределило особенно относительно Финляндии отдельную научную дискуссию на длительный период времени.

Отношения России и Финляндии по перечисленным актам квалифицировались в имперский период неоднозначно. Одна часть исследователей утверждала, что Российская империя и Великое Княжество Финляндское являются двумя самостоятельными государствами, связанными реальной унией, а другая доказывала, что Россия и Финляндия образуют одно государство и Финляндия – это не что иное, как провинция, инкорпорированная Россией, но наделенная широкой политической автономией. При этом в историко-юридической науке пореформенной России XIX в. признавались те факты, что, во-первых, Финляндия никогда самостоятельным государством не была, во-вторых, покоренные финляндцы присягали русскому императору без всяких условий, наконец, перестав быть провинцией Швеции, она стала провинцией России, что и закреплено Фридрихсгамским трактатом [7, 197–198]. Эти обстоятельства, по мнению автора учебника государственного права С. А. Алексеева, и определяют источники отношений между Россией и Финляндией, поскольку объективно Финляндия присоединялась к России не на договорных началах, а в результате победы России и отказа Швеции от финляндских провинций как проигравшей стороны. Подчеркнем в результате, что особенности ее правового статуса в составе империи были результатом воли российского монарха, соответственно, стоит говорить о национально-территориальном автономизме, но не об образовании самостоятельного государства. Теоретическим основанием такого вывода может служить и убеждение классика государствоведения Г. Еллинека, заключавшего в ту эпоху, что государство или части государств, которые завоеваны другим государством и инкор-

порированы им, безусловно, утрачивают характер государства, какое бы положение они ни заняли в государстве, инкорпорировавшем их. Если за ними остается известная степень самостоятельности, то на нее нужно смотреть «как на новое создание, как на автономию, дарованную им господствующей над ними государственной властью». Логично признать, что поскольку такие государства перестали существовать, то юридическая связь между их настоящими учреждениями и прежними прервана, и речь может идти только об исторической преемственности. Как бы широка их политическая самостоятельность ни была, их государственный характер этим все же не восстанавливается, так как они во всем подчинены высшему контролю господствующей над ними государственной власти и в лучшем случае являются самоуправляющимися областями, но «никогда не субъектами верховных прав» [8, с. 302].

Хотя император принял титул «Великого Князя Финляндского», разделения верховной власти не произошло, поскольку передача нового титула осуществлялась по наследству русскими монархами на основании российских законов. Тем более что полный титул российского государя по традиции пополнялся каждый раз дополнительным почетным званием с присоединением новой территории, и в итоге в начале XX в. по Основным Государственным Законам имел следующее наименование: «Божиею поспешествующею Милостью, Мы <...> Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский – и проч. и проч. и проч.». Безусловно, юридическое положение верховной российской власти в Финляндии имело специальный статус, однако данный факт не вступает в противоречие с распространением на нее права империи. Особый административный статус Финляндии в дальнейшем получил развитие именно за счет позитивного права России, хотя не всегда это движение проходило в прямом направлении, а сталкивались и шли к компромиссу и переосмыслению различные взгляды не только общественных деятелей, но и высших правительственных чиновников.

В среде ученых полемика вообще не прекращалась весь период пребывания Финляндии в составе России, но само по себе это не меняло политико-правового статуса финляндских территорий. Известный общественный и государственный деятель конца XIX в. Л. Мехелин высказал убеждение, что финляндским территориям Александр I даровал отдельное устройство и ее особые законы, и его примеру следовали все преемники, «неизменно издававшие по вступлении своем на престол манифесты о сохранении особых прав Финляндии» [9, с. 1–2]. Далее отмечается, что «великодушным соизволением русских государей Финляндии даровано широкое, частью унаследованное от шведских времен, но еще более развитое впоследствии внутреннее самоуправление», а потому все вопросы, общие для Финляндии и прочих частей русского государства, должны решаться действием русских законов; местные же финляндские постановления могут касаться исключительно внутренних ее дел» [9, с. 3]. В этих условиях, отмечает В. В. Сокольский, в Великом княжестве Финляндском «формой правления является ограниченная сословная монархия», и это не противоречило самодержавной форме правления в целом, поскольку «видоизменение характера верховной власти относительно Финляндии является особенностью местного права этой части империи, исходящей <...> от единой всероссийской верховной власти» [10, с. 64–65]. Интересного взгляда придерживается относительно данной проблемы правовед А. П. Липранди (А. Волынец), указывая, что «финляндские финны, конечно, ничего особенного собою не представляют: это одно (или несколько) из тех многочисленных финских племен, которые рассеяны по всей России», ему естественно жить русской государственной жизнью [11, с. 95–96].

Потому-то Э. Н. Берендтс настаивает на отделении научных дискуссий от политических мер. Исследователь в своих рассуждениях четко проводит грань: «Не имела ли и не имеет ли Финляндия реальные атрибуты особой государственности? С 60-х гг. Финляндия имеет особую монету. Да, но особую монету имели в 18 ст. и Лифляндия, и Сибирь, но они не были осо-

быми государствами. Польша сохранила особую монету после утраты политической самостоятельности. Финляндия имеет особую таможенную систему, но и Польша отделялась до 50-х гг. таможенной чертой от внутренней России. Финляндия до 1901 г. имела особое организованное войско, но и в шведское время финляндцы служили в особых финских поселенных полках и тем не менее Финляндия не была особым от Швеции государством». Вывод, представленный научной общественности в высшей степени логично отражает политико-юридическую природу властно-правовых отношений России и Финляндии: «особое законодательство, особый суд, особое управление, одним словом, особая конституция тоже не превращали Финляндию в особое государство, ибо автономная область составляет нераздельную часть одного единого государства и, тем не менее, именно потому, что она пользуется автономией, имеет совершенно своеобразное устройство» [12, с. 3].

Современный исследователь национальной политики А. Ю. Бахтурина высказывает мнение, что манифесты 1808 г., грамоту сейму от 15 марта 1809 г. необходимо рассматривать как «поиск законодателем наиболее оптимальных форм взаимоотношений России и Финляндии» и каждый акт регламентировал отдельные аспекты будущего статуса новой присоединенной территории. А результатом стала оптимальная формулировка манифеста 1809 г. «о собственности и державном обладании» Россией приобретенной части Финляндии, одновременно с провозглашенным «бытием политическим», что является характерным для периода формирования национальной консервативной доктрины и обусловлено отсутствием практических возможностей вплотную заниматься присоединением окраины к империи и вводить там общеимперскую систему управления [13, с. 227]. В другой плоскости высказывается исследователь В. С. Дякин, убеждая в том, что Александр I пошел на признание за Финляндией особого статуса и сохранение основ шведского государственного права, исходившего из представления об ограничении власти монарха сословным учреждением [14, с. 25–26]. Заключим, что при всем многообразии оценок Россией в условиях надвигающейся войны (с наполеоновской Францией) были созданы прочные основы сохранения за ней новой территории. Именно из-за концентрации здесь, на западных рубежах Российской империи, геополитических и внутренних интересов России представительство императора в Финляндии было оформлено специфически, в двойном формате – в лице доверенного генерал-губернатора, надзирающего за общегосударственными интересами, и в виде статс-секретариата, возглавляемого местным представителем, который преследовал сохранение и защиту гарантированных Александром I местных привилегий в публичном и частном праве перед верховной властью.

На наш взгляд, отсутствие легальной региональной политики в империи и недостаточно последовательное движение в дополнении юридического статуса Финляндии в дальнейшем привели к теоретической и идеологической разработке вопроса о самостоятельном государстве Финляндии, находящемся в различного рода союзнических отношениях с Россией, но избежать такого идеологизирования темы было невозможно. В итоге можно говорить о ясных установках – провозглашении императором как источником власти и права автономистских начал в государственном управлении Финляндией, исходя из характерного для имперской эпохи определения автономии. Автономизм, а не автономность следует считать более точным по смыслу и применимым в данном случае политико-правовым явлением, учитывая абсолютистский характер государственной власти в России этого времени, а также источник и способ наделения властью местных учреждений – признание и санкционирование существующего порядка императором. При этом обратим внимание на тождественность нашего мнения трактовке автономии императорской эпохи «Словарем юридических и государственных наук» 1906 г.: «Автономия – право самостоятельного законодательства. Автономной провинцией <...> называется часть государства, имеющая местный парламент или вообще какую-либо местную организацию законодательной власти. Право самоуправления существенно, однако, отличается от автономии. Наконец автономией называется иногда предоставляемое государством неко-

торым корпорациям, сословиям, учреждениям и т. п. право самостоятельно в пределах закона нормировать характер своей организации и условия своей деятельности» [15, с. 63].

Нормы особого правового статуса Великого княжества Финляндского до конца XIX в. означали относительно широкое самоуправление региона при сохранении в целом имеющейся прежде частноправовой системы и санкционированного публичного права во внутреннем управлении, а также создавали почву для его возможного расширения. Александр I, учитывая разрастающиеся геополитические противоречия в Европе, принял меры к развитию у финского населения симпатий к российскому правлению. Так, порученная М. М. Сперанскому деятельность по составлению Финляндской конституции строилась с учетом уровня государственного развития края, возможностей сохранения национальных обычаев и обеспечения действия местных законов. Можно сказать, условия присоединения Финляндии характеризуются правительственными стремлениями создать благоприятный климат отношений с новой территорией и предстать перед Европой защитницей цивилизованных монархических ценностей времени. Но учитывая самодержавные основы государства, такой порядок действовал лишь до принятия императором нового закона для Финляндии.

Развитие политики в отношении Великого княжества Финляндского после войны с Наполеоном включало следующие меры: дальнейшая регламентация управленческих связей генерал-губернатора с финляндским Правительствующим советом и центральными властями²³; определение таможенных тарифов для Финляндии с целью соединения финляндской и русской таможенных систем; согласование проекта Абоского сейма устава Финляндского Александровского университета специальной комиссией при министерстве народного просвещения. Как видим, определение формы публичной власти, налоги, сборы, язык и роль местного права стали первоочередными решаемыми верховной властью задачами. Это и означает постепенное вхождение в единый механизм империи, но, как заметил М. М. Сперанский в 1810 г., Финляндия «инкорпорирована, но без нужды нет причины об этом упоминать» [6, с. 80]. Видимо, Сперанский взвешенно относился к употреблению самого понятия «государство», поскольку в данное время оно применялось не только для самостоятельных государств, но и для особых привилегированных частей страны, имевших собственное внутреннее управление.

Представителем императора в Финляндии назначался генерал-губернатор, являвшийся высшим должностным лицом, в компетенцию которого входили ответственность за порядок в крае и командование расквартированными здесь русскими воинскими частями. Формально генерал-губернатор считался также председателем финляндского Сената, но на практике заседания обычно вел его заместитель из числа местных жителей. Кроме того, чтобы иметь точные сведения о делах в княжестве, император в 1811 г.²⁴ учредил новую комиссию по финляндским делам во главе с М. М. Сперанским, задачей которой было проведение вторичных обсуждений вопросов, направляемых императору, после их рассмотрения в Сенате. Этот коллегиальный орган был задуман как временный, преимущественно совещательный по административным и судебным вопросам и просуществовал 15 лет. Упраздненный особым манифестом 1826 г.²⁵, он был заменен Финляндским статс-секретариатом во главе со статс-секретарем (должность получила наименование министра статс-секретаря с 1834 г.), в полномочия которого входило лично докладывать императору по делам, подлежащим рассмотрению и решению верховной власти «согласно коренным законам и основным постановлениям одного края». Специалист по западным территориям М. Бородкин отмечал, что «важное учреждение – статс-секретариат Финляндии – своего рода министерство внешних связей Великого княжества, ее аванпост в столице империи», тем более что возглавляли учреждение почти все время финляндцы. Выходит, Россия целое столетие рассматривала «финляндские дела через финляндские очки»,

²³ Собрание постановлений финляндских. 1812. № 9.

²⁴ ПСЗРИ-1. Т. 31, № 24831.

²⁵ Собрание постановлений финляндских. 1826. № 45.

что приводило к негативным результатам для российской власти – министры статс-секретари выработали правило: «чем меньше о нас будут знать, тем лучше, а когда же предъявлялось им неудобное требование, то они говорили: “Кто выиграет время, тот выиграет всё”» [16, с. 10–11], – ничего не меняя и затягивая решение вопросов, они подрывали авторитет верховной власти.

В качестве заключительного суждения можно отразить, что созданная административная система для Финляндии сосредоточивала управление в руках местной высшей бюрократии, которая выражала потребности населения и преследовала национальные интересы в отношениях с властными структурами империи. Российской властью создавались условия для автономной жизнедеятельности местного населения, в основном имеющего прежде национальную шведскую самоидентификацию, что естественным образом должно было консолидировать финнов и привести к развитию в официальной сфере собственного языка и культурно-идеологическому обособлению от общешведского (общефинского) социума. Противоречивые оценки в признании современниками различной доли автономизма или же почти независимости присоединенных финляндских территорий объективируются в итоге в преобладающую позицию, что Финляндия не включалась в состав России на договорных началах, а была присоединена в результате победы российских войск и отказа Швеции от финляндских провинций как проигравшей стороны, соответственно, утвердившийся здесь первоначально режим административно-территориальной автономии был результатом санкции верховной власти российского императора.

Список литературы

1. **Красняков Н. И.** Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2023. 460 с.
2. **Булатов Ю. А.** Финляндия и имперская политика дома Романовых // *Международ. жизнь.* 2016. № 1. С. 30–59.
3. **Нольде Б. Э.** Очерки русского государственного права. СПб.: тип. «Правда», 1911. 554 с.
4. **Гулевич С. А.** Записка о переименовании Лейб-Гвардии Финляндского полка. СПб., 1905.
5. **Романовский В. Е.** Государственные учреждения древней и новой России. Тифлис: Изд. И. Кнебель, 1911. 453 с.
6. **Остен-Сакен В.** Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб.: Гос. тип., 1910. 220 с.
7. **Алексеев А. С.** Русское государственное право / Конспект лекций орд. проф. Имп. Моск. ун-та А. С. Алексеева. 4-е изд. М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1897. 583 с.
8. **Еллинек Г.** Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 750 с.
9. **Мехелин Л. Г.** К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией. Гельсингфорс: Акционерное общество Г. В. Эдлунда, 1909. 142 с.
10. **Сокольский В. В.** Русское государственное право. Одесса, 1890.
11. **Липранди А. П.** Россия и ее финляндская окраина. Харьков: тип. Мирн. труд, 1910. 96 с.
12. **Берендтс Э. Н.** К вопросу о правовом положении Финляндии. Спб.: С-Петербур. клуб обществ. деятелей, 1910. 16 с.
13. **Бахтурина А. Ю.** Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 388 с.
14. **Дякин В. С.** Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб.: ЛИСС., 1998. 1000 с.
15. *Словарь юридических и государственных наук.* СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1906.
16. **Бородкин М. М.** Итоги столетия. Харьков: тип. журн. «Мирн. труд», 1909. 67 с.

References

1. **Krasnyakov N. I.** The Russian Empire: Experience of Managing National Regions (mid-17th – early 20th century). Novosibirsk, 2023. 460 p. (in Russ.)
2. **Bulatov Yu. A.** Finland and the Imperial Policy of the House of Romanov. *International Life*, 2016, no. 1, pp. 30-59. (in Russ.)
3. **Nolde B. E.** Essays on Russian State Law. St. Petersburg: Tip. Pravda, 1911. 554 p. (in Russ.)
4. **Gulevich S. A.** Note on the Renaming of the Life Guards Finnish Regiment. St. Petersburg, 1905. (in Russ.)
5. **Romanovsky V. E.** State Institutions of Ancient and Modern Russia. Tiflis: I. Knobel Publishing House, 1911. 453 p. (in Russ.)
6. **Osten-Saken V.** The State and Legal Status of the Grand Duchy of Finland in the Russian State. St. Petersburg: State Printing House, 1910. 220 p. (in Russ.)
7. **Alekseev A. S.** Russian State Law. Lecture Notes by Prof. A. S. Alekseev of the Imperial Moscow University. 4th ed. Moscow: Printing House of the Society for the Distribution of Useful Books, 1897. 583 p. (in Russ.)
8. **Jellinek G.** General Theory of the State. St. Petersburg: Yurid. Center Press, 2004. 750 p. (in Russ.)
9. **Mehelin L. G.** On the Question of the Immediate Definition of Legal Relations between Russia and Finland. Helsingfors: G. V. Edlund's Joint-Stock Company, 1909. 142 p.
10. **Sokolsky V. V.** Russian State Law. Odessa, 1890. (in Russ.)
11. **Liprandi A. P.** Russia and its Finnish outskirts. Kharkiv: type. Mirn. trud, 1910. 96 p. (in Russ.)
12. **Berendts E. N.** On the issue of the legal status of Finland. St. Petersburg: St. Petersburg Club of Societies. figures, 1910. 16 p. (in Russ.)
13. **Bakhturina A. Yu.** The Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914–1917). Moscow: ROSSPEN, 2004. 388 p. (in Russ.)
14. **Dyakin V. S.** The National Question in the Domestic Policy of Tsarism (19th – Early 20th Century). St. Petersburg: LISS, 1998. 1000 p. (in Russ.)
15. Dictionary of Law and State Sciences. St. Petersburg. Publishing House “Public benefit”, 1906. (in Russ.)
16. **Borodkin M. M.** Results of the century. Kharkiv: type. journal. «Mirn. trud», 1909. 67 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ
SPIN 5429-3412

Information about the Author

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation
SPIN 5429-3412

*Статья поступила в редакцию 05.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 22.09.2025*

*The article was submitted 05.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 22.09.2025*